

ских, грузинских, византийских, русских и др. источников, а сделанные на основе этого выводы сопоставляются с археологическими материалами.

В результате проведенного исследования А. В. Гадло приходит к выводу, что в политических границах Хазарского каганата в течение VIII—X вв. не были утрачены специфические культурные признаки отдельных крупных этнических общностей — адыгов, алан, оногуро-булгар, автохтонных групп Дагестана. Хазарская держава представляла собой вариант классической «лоскутной империи» раннего средневековья, в рамках которой только зарождались предпосылки для хозяйственного, культурного и этнического единения. Собственно хазарская этническая общность в этот период, как отмечает А. В. Гадло, «выступала в виде политической надстройки над другими общностями Северного Кавказа. ... Не имея стимула к интенсификации собственного хозяйства, она постепенно замыкалась в узких границах своей племенной территории» (с. 211). Политическая и этническая изоляция хазар привела в конечном итоге к крушению их гегемонии. Однако длительный период существования в составе сильного централизованного государства не прошел для народов Северного Кавказа бесследно, и «на развалинах Хазарской державы, рухнувшей, подобно другим раннефеодальным политическим образованиям эпохи средневековья, поднялись новые объединения, основой хозяйства которых были развитое стабильное земледелие и скотоводство, относительно более однородный этнический состав и теснее связанная с основной массой населения политическая надстройка» (с. 212). Это были «царства» Серир в горах Дагестана, Джидан в Приморском Дагестане и Аланское в центральной части Предкавказья.

Книга А. В. Гадло представляет сложное многоплановое исследование, в котором, наряду с обоснованием общей оригинальной концепции этнического развития Северного Кавказа в целом содержится немало интересных выводов по частным вопросам и гипотез. Неожиданность и дискуссионность некоторых из них не снижают ее ценности. Не разрушают общего положительного впечатления и отдельные неточности и мелкие опрехи, которые иногда встречаются в тексте, в аппарате и в легенде к карте.

Наиболее существенными недостатками книги являются отсутствие в ней специального историографического очерка, чрезвычайная сжатость разделов, посвященных археологическим источникам, перегруженность приложенной к работе карты. Однако вполне вероятно, что эти просчеты вызваны жесткими условиями издания.

Исследование А. В. Гадло по праву займет заметное место в советском кавказоведении.

Г. Е. Афанасьев

Н. А. Миненко. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979, 350 с

Монография Н. А. Миненко о крестьянской семье Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. представляет собой комплексное историко-этнографическое исследование. В центре внимания автора — строй семьи, внутренние взаимоотношения в ней, ее хозяйственная деятельность и связь с общиной. Круг вопросов, освещенных автором в исследовании, позволяет наиболее полно охарактеризовать семью как первоначальную экономическую ячейку феодального общества.

Работа базируется главным образом на архивном материале, разнохарактерном по своему содержанию, что потребовало от автора различного подхода и методики обработки. Демографический облик западносибирской семьи Н. А. Миненко дает по документам учета населения: ревизским сказкам и книгам — переписным, дозорным, метрическим, рекрутским, выявляя наиболее достоверные источники для реконструкции семьи. Хозяйственные занятия, семейные обряды и внутренние взаимоотношения она раскрывает по судебно-следственным делам, делопроизводственным материалам местных учреждений и крестьянских выборных органов. В дополнение к этим документам привлекаются этнографические описания 40-х годов XIX в., которые появились как ответ на анкету Отделения этнографии РГО. Столь широкая документальная основа в сочетании с законодательными актами и опубликованными материалами стала залогом плодотворного раскрытия темы.

В историографическом обзоре Н. А. Миненко отдает должное дореволюционным работам, в которых содержится обширный фактический материал о семейном быте и нравах крестьян, о свадебном, родильно-крестильном и поминальном обрядах. Вместе с тем она отмечает концептуальную слабость этих работ, их тенденциозность, предвзятость и необъективность выводов. Автор последовательно на протяжении всей монографии вскрывает несостоятельность дореволюционной литературы в определении общей численности семьи и количества женщин в крае, в вопросах взаимоотношения супругов, форм заключения браков и др.

В советской историографии, как показывает Н. А. Миненко, внимание было сосредоточено прежде всего на строе сибирской семьи и ее эволюции, были прослежены роль семьи в сохранении и межпоколенной передаче трудовых крестьянских традиций и ее место в сельской общине. Из семейных обрядов наиболее основательно рассмотрен свадебный. В сибиреведческой литературе строй семьи изучается как один из ком-

понентов большой проблемы — сельскохозяйственного освоения края и формирования постоянного населения в нем. Этот момент необходимо было подчеркнуть.

В первой главе монографии Н. А. Миненко анализирует динамику численности и структуры крестьянской семьи в Западной Сибири. Следуя сложившейся в историографии методике, она прослеживает размеры и типы семей по районам, различающимся сроками и интенсивностью колонизации. В результате Н. А. Миненко приходит к заключению, что малая семья как господствующая форма преобладала в XVIII в. как в старозаселенных, так и в колонизируемых областях. К середине XIX в. произошло укрупнение семей за счет увеличения числа неразделенных. Особенно интенсивно этот процесс шел во второй четверти XIX столетия.

Не совсем ясно, почему понятие большой семьи, отождествляемой автором с неразделенной, раскрывается в сноске (с. 44). На форме и типологии семьи было бы уместно и целесообразно остановиться подробнее в такой специальной тематической монографии, какой является рецензируемая книга.

Во второй главе Н. А. Миненко характеризует хозяйственную деятельность крестьянской семьи. На протяжении всего исследуемого времени земледелие было ведущей отраслью западносибирской экономики. Размеры сельскохозяйственного хозяйства крестьянина, по наблюдению автора, зависели от числа взрослых мужчин в семье. Такая зависимость была характерна для разных географических районов Западной Сибири. Н. А. Миненко прослеживает также прямую зависимость обеспеченности скотом, прежде всего рабочим, от размеров семьи и обусловленность величины запашки количеством скота. Значительное число беспашенных дворов, явственно проявлявшаяся дифференциация крестьянских хозяйств были связаны в начале изучаемого периода со становлением хлебопашества на осваиваемых территориях, а в конце его — с начавшимся процессом «раскрестьянвания».

В производственной деятельности семьи участвовали все ее члены. Н. А. Миненко подробно останавливается на распределении мужских и женских работ и их распорядке в сельскохозяйственных и промысловых районах исследуемого региона, отмечает бытовавшие порайонные различия. Она показывает активную роль женщины не только в домоводстве, но и в земледелии, и в домашних промыслах (прядение, ткачество, шитье). Передача производственных навыков шла в процессе трудового воспитания детей, которое органически включалось в самый ход жизни и деятельности семьи.

Главы третья и четвертая тесно связаны между собой. В них автор обстоятельно излагает внутрисемейные отношения между супругами, родителями и детьми, а также формы заключения браков и семейно-бытовые обряды. Они написаны на колоритном документальном материале и воспринимаются с живым интересом. Отметим, что крестьянские взгляды на взаимоотношения супругов, определявшие их повседневное поведение, совпадали, в основном с требованиями закона и религии, а отношения родителей и детей строились по обычно-правовым нормам и регулировались сельской общиной. Автор отмечает, что положение женщины в семье в исследуемом районе было более независимым, чем в Европейской России; в отношениях супругов преобладало взаимное уважение, а молодые члены семьи при сохранении почтения и любви к старшим пользовались значительной самостоятельностью.

Заключение брака у крестьян Западной Сибири, как свидетельствует материал, проанализированный Н. А. Миненко, сопровождалось свадебным обрядом, который был единым для всего региона и представлял собой сочетание церковного венчания и старинных ритуалов. Браки по преимуществу были внутрисловными, возрастная разница брачующихся была незначительной, а брачный возраст — сравнительно высоким. Характерными явлениями были также деревенская экзогамия, сосуществование имущественных и личностных мотивов брака, необязательность родительского и церковного благословения и допущение фактических разводов.

Семейные разделы были обычны и повсеместны, но в отдельных районах края они совершались с разной степенью интенсивности. Раздел семьи означал и имущественно-хозяйственный раздел, который производился в равных долях по числу взрослых мужчин. Вдовы или солдатки получали часть, причитавшуюся мужу. Наследование семейного имущества осуществлялось по обычному праву. Автор приходит к выводу, что основой наследования было родственное, а не трудовое начало, переплетавшееся с податной ответственностью, лежавшей на наследуемом хозяйстве. Община руководствовалась законодательством, если оно согласовывалось с ее экономическими интересами.

В четвертой главе Н. А. Миненко рассматривает влияние сельской общины на крестьянскую семью. Она выясняет прежде всего размеры общин в Западной Сибири, которые, как правило, объединяли крестьян одного селения, реже двух-трех селений или нескольких заимок. Жизнь семьи протекала внутри такой общины и была пронизана хозяйственными и родственными связями благодаря включению в фамильные гнезда и коллективы во владению разным имуществом. Община регламентировала почти все стороны семейного быта: заключение браков, взаимоотношения супругов, родителей и детей. При этом она следила за соблюдением традиций, ибо сама являлась хранительницей и носительницей обычая и общественного мнения, а когда этого требовали интересы «общества», санкционировала отход от традиционных норм. Община стремилась сохранять неразделенные семьи как более надежные в податном отношении, а при совершавшихся разделах контролировала их. Она заботилась об имущественно-податной состоятельности семей, так как несла ответственность за исправное поступление податей.

Воздействие общины на семью было всепроникающим. Однако крестьяне воспринимали общину как второстепенное звено при решении семейных дел и в случае необходимости для их урегулирования обращались к местной администрации. Автор объясняет это рядом причин. Основными из них были: слабость общины на первоначальном этапе колонизации, когда государственная администрация была организатором устройства поселенцев; отношение правительственной власти к семье как основной податной единице и вытекающее отсюда стремление к непосредственному контролю за семьей.

Рецензируемая книга снабжена интересным документальным приложением, которое отражает основные моменты семейно-бытовых отношений.

В целом монография Н. А. Миненко, написанная на свежем, впервые вводимом в научный оборот материале, дает многостороннюю характеристику западносибирской семьи и успешно продолжает традицию советского сибиреведения.

Е. Н. Бакланова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

В. А. Кузьмищев. У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979, 383 с.

Рецензируемая книга В. А. Кузьмищева посвящена одному из самых известных хронистов Перу — Инке Гарсиласо де ла Вега. Автор справедливо подчеркивает особую важность творчества этого первого представителя подлинно перуанской литературы, органично синтезировавшего в своих произведениях два национальных начала — индейское и испанское. Жизнь, творчество и личность Инки Гарсиласо давно интересуют В. А. Кузьмищева¹. Ему принадлежит первый перевод на русский язык основного труда хрониста — «Подлинных комментариев инков», которые являются одним из основных письменных источников по истории раннеклассового инкского государства. В новой книге В. А. Кузьмищев подвел итоги своим размышлениям о выдающемся перуанском писателе и историке.

Книга начинается исследованием родословной Гомеса Суареса де Фигероа (инка по матери и знатный испанец по отцу), который позже принял имя Инки Гарсиласо. Автор ставит перед собой задачу не просто воспроизвести генеалогические сведения, а выяснить, насколько крепки были узы, связывавшие Гарсиласо с каждым из упомянутых начал и насколько подлинной была та информация о Древнем Перу, которая вошла потом в его произведения и, прежде всего, в прославленные «Комментарии». Во второй главе книги В. А. Кузьмищев развивает положение о синтезе двух начал — индейского и испанского в личности Гарсиласо.

Разбирая политическую обстановку в Перу в годы юности хрониста, автор характеризует ее как «своеобразное двоевластие», когда, наряду с господством конкистадоров, еще существовало, хотя и в сильно урезанном виде, государство инков, да и все население огромной страны продолжало в основном жить по инкским законам. Лишь в 70-х годах XVI в. при вице-короле Франсиско де Толедо испанцы сумели полностью подчинить себе Перу. Эта сложная политическая ситуация не могла, как справедливо полагает В. А. Кузьмищев, не сказаться на формировании личности Гарсиласо. Именно в перуанский период, пришедшийся на детство и юношеские годы (Гарсиласо покинул Перу в 1560 г., когда ему был 21 год от роду), были заложены основы его мироощущения, трагичного в своей двойственности. Выходом из этой двойственности для Инки стала работа над «Комментариями», в ходе которой два противоположных начала его личности слились в один «латиноамериканский» сплав.

Подробно прослеживая жизненный путь Инки Гарсиласо в Испании, В. А. Кузьмищев указывает еще на один источник его творчества — идеи итальянского Возрождения, с которыми молодого метиса познакомил, вероятно, его дядя — капитан Алонсо де Варгаса, участник войн в Италии (с. 94—104). Гуманистические идеалы этой эпохи сказались на главном произведении Гарсиласо, само название которого прямо связано, как считает В. А. Кузьмищев, с «Комментариями» Юлия Цезаря.

Но, по мысли В. А. Кузьмищева, дело не ограничилось лишь влиянием передовых идей XVI века на Инку Гарсиласо. Он говорит и об обратном влиянии, о той роли, которую сыграли «Комментарии» в развитии современной им общественной мысли. Этой роли посвящена шестая глава книги, где автор подробно обосновывает уже высказывавшуюся им гипотезу² о том, что именно описание инкской державы — Тауантинсуйю в

¹ В. А. Кузьмищев. Инка Гарсиласо де ла Вега и его литературное наследство. Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков (перевод В. А. Кузьмищева). Л., 1974; *его же*. Гарсиласо де ла Вега. — «Культура Перу». М., 1975.

² В. А. Кузьмищев. Кампанелла и Гарсиласо. Влияние, заимствование или случайные совпадения? — «Латинская Америка», 1975, №№ 4, 5.